

Лит. Россия - 1990. - 16 февр. (№ 7). - С. 5

5

ПОЧЕМУ НЕ ПОЕТ РОССИЯ?

Один из ведущих советских музыкантов, лауреат все-союзного и международных конкурсов, народный артист РСФСР, художественный руководитель русского народного оркестра «Боян» Анатолий Иванович ПОЛЕТАЕВ сегодня известен во всем мире. Но на рабочем столе его рядом с нотными партитурами — программа действий кандидата в будущий парламент России. Что заставило его, человека искусства, включиться в политическую борьбу? Мы думаем, беседа с Анатолием Ивановичем дает ответ на этот вопрос...

— Анатолий Иванович, я не буду про- сить вас охарактеризовать сегодняш- нюю ситуацию в культуре, отношение к музыкальному народному наследию. Тут все предельно ясно. Хотя хотелось ве- рить, что народ из чувства самосохра- нения сможет защитить свои тради- ции...

— Каким образом он мог это сделать? Не слушать радио? Не смотреть телеви- зор? В течение долгих-долгих лет агита- ция и пропаганда были направлены не на созидание народного творчества, не на созидание культуры, которая покоится на национальном самосознании людей, а на разрушение этой культуры, на разрушение национальных основ.

— Вы считаете, это было сделано со- знательно?

— Здесь есть и искренние заблужде- ния, и, я бы сказал, диверсионные мо- менты, потому что под лозунгом интер- национализма проникал космополитизм, возникали русофобские тенденции. И вот вековая поющая Россия перестала петь...

— Бывая в глубинке, как-то всякий раз ловлю себя на мысли о противоре- чивости ритмов, рвущихся из рус- ского пятистенка. А может быть, это просто консерватизм? Само время при- близило нас к Западу?

— В том-то и дело, что мы ушли от себя в погоне за какой-то заморской пти- цей. А заморская птица, между прочим, понимает что к чему: иностранный народ валом валит на наши концерты, детишек с собой ведут. Просто так? В погоне за экзотикой? А мы уже сколько лет поем чужие песни. Заметьте, поем не о нас, как будто уже как нация не существуем: только — я, мне, меня! Эгоистические начала в нас успешно поддерживают...

— А назово вообще ваше отношение к современной музыке?

— Если вы имеете в виду то, что нам навязывается всеми средствами вещания, — роковую звуковую атаку, то музыку это назвать нельзя. Музыка — это то, что прекрасно. Все, что не прекрасно, не есть музыка, даже если звуки воспроиз- водятся инструментами симфонического оркестра. Ведь нельзя сказать, что сриф- мованные слова — это поэзия, что крас- ки, наложенные на холст, — уже живо- пись... Любое искусство — это концент- рат творческого напряжения, человече- ского опыта и современного мировоззре- ния. Остальное все — подмена...

— Кто же занимается этой подменой, кому она выгодна?

— Совершенно определенной группе лиц, которая может назвать себя каким угодно творческим союзом. Они не требо- вательны к себе, ими движут не самые благородные стремления. Понимая, что такое настоящее искусство, и не обладая даром творить его, они создают суррогат, который и подлихивают народу.

— А что же народ?

— Понимаете ли, человека можно ко всему приучить, постоянно долбя, что черное есть белое, а белое есть черное. Выработывается определенный тип мыш- ления, который в состоянии понять и при- нять только некий стандарт, подмену на- стоящего фальшивкой. И ведь это траге- дия, когда человек уже не в состоянии ощутить, что он потребляет, у него уже атрофировано все: его не тянет ни к зна- нию, ни к культуре, чтобы сравнить и разобраться. Вот это и есть сознательная или несознательная диверсия в искусстве против народа, в том числе и в народ- ном творчестве.

— Но ведь есть же в человеке на- кое-то врожденное чувство понимания прекрасного? Именно народное творче- ство — творчество порою неграмотных людей — доказывает это.

— Но мы же говорим с вами о совре- менном человеке, над которым уже «по- работали», его изначальное художествен- ное чутье заглушили. Ему не дают права выбора. Ведь еще не было случая, чтобы за двадцать два года своего существова- ния, играя перед любой аудиторией — пролетарской, крестьянской или, как при- нято выражаться, элитарной, — наш ор- кестр не имел успеха. Мы имеем отклик, понимание тех, кто уже пришел в зал. Но мы не всегда имеем публику...

— Ведь вы прославлены на весь бе- лый свет! Американцы прилетают на

ваш московский концерт, платя за него куда больше, чем за билет в Большой театр. И нет нашего зрителя!..

— Чему вы удивляетесь? Вот он, наш зал, на Арбате, в центре, а москвичи не знают, что мы существуем. «Оркестр «Боян»? Это где играют на баяне?» При- мерно так. Публика не верит, что она встретится с искусством, с тем, в чем заинтересована прежде всего душа рус- ского человека.

— Почему это происходит?

— У оркестра нет должной рекламы. Средства массовой информации помогают сегодня только рок-движению. Для види- мости появляются и классика, и народная музыка. Но в какой пропорции? Когда уже извращен вкус и уничтожены тради- ции, такие пропорции неприемлемы.

— А кажется ли вам приемлемым один процент, выделяемый на нужды культуры из госбюджета, «на все про все»?

— Мне думается, вы уже знаете мой ответ на ваш вопрос. Если мы хотим вы- лезти из бездны бескультирия, если по- думать о молодежи, в варварстве, дикос- ти, криминогенности которой виновата система, позволившая все и вся разру- шить, вклад государства в культуру дол- жен быть не меньше его расходов на во- оружение. Иначе мы сами себя уничто- жим.

— Сейчас вы говорите уже не только как музыкант-профессионал, кровно за- интересованный в культурном росте России, но и как кандидат в народные депутаты, предваривший текст своей платформы личным требованием к се- бе — «бороться за возрождение вели- кой России».

— Кандидатом в депутаты меня выдви- нул Фонд мира. Я трезво оцениваю свои шансы и думаю, что они, по сравнению с другими кандидатами, минимальны. Меня это не огорчает. Свои встречи с избирателями я использую не в своих целях, а для того, чтобы пробудить в лю- дях чувство национального самосознания. Пусть это будет капля в море. Пусть мое слово останется хотя бы в нескольких сердцах — это уже что-то...

— Настораживает ваш настрой на не- успех... Ведь в парламенте России, раз- роренной, разорванной засильем масс- культуры, так нужны люди, которые профессионально могут отстоять не только правопорядок, прогрессивную экономику, но и духовную жизнь рес- публики.

— Увы, предвыборная борьба вопреки условиям далеко не всегда ведется бла- городными методами. Да и сами по себе методы — полбеда. Важнее другое: кто благодаря им займет депутатское крес- ло, чьи интересы будет защищать этот че- ловек. С тревогой ощущаю, что будет мно- го «статистов», а «драматургию» будут осуществлять те, имен которых мы не зна- ем!

— Как далеко мы с вами ушли от музыки!

— Нисколько! Она тут, рядом с поли- тикой, экономикой. Вы что думаете, на- евшись, мы будем счастливее? Никогда! Ведь Россию всегда отличал примат ду- ха. Мы, русские, с точки зрения матери- ального обеспечения находимся на самом низком уровне в нашей стране. А нашей разоренной, изувеченной, замалчиваемой культуры и сейчас хватит на весь мир. Печально, что для того, чтобы донести ее до своего соотечественника, не хватает одной жизни. Тридцать лет назад я бро- сил все — лауреатство, престижные гас- трели, материальную обеспеченность — только ради одной цели: языком музыки рассказать людям, откуда они родом.

— Я чувствую, вы далеки от того, чтобы удовлетвориться результатами...

— Вы правы, и дело не в личном ус- пехе или неуспехе. Я не тщеславен, что в общем-то неестественно для артиста. Но я прежде всего человек России, и по- ка в моем Отечестве не хватает справед- ливости во всем, пока оно обделено, я не могу ощущать себя счастливым...

Беседа велла
Л. БЫЧЕНКОВА